

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ

Эта война никого не обойдет стороной

ЕГОР ГАЙДАР

Выступление на съезде СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ
Назрань, 23 февраля 1995 г.

Если обсуждать то, что происходит сегодня в Чечне с точки зрения здравого смысла, пользы России, то понять, что там делается, в принципе невозможно. Ну вот представьте себе. Живет народ, с тяжелейшей судьбой, народ, который 51 год тому назад (как раз сегодня годовщина), был целиком депортирован, потерял половину своих сыновей и дочерей. Народ с тяжелой исторической памятью. В сложнейший узел в Чечне завязаны политические, экономические, психологические проблемы. Узел этот можно потихонечку, осторожно распутать по ниточке, петля за петлей.

Однако можно и по-другому. Российская Армия начинает решать эту национальную проблему ракетно-бомбовыми ударами по полумиллионному прекрасному городу Грозному.

Неужели кому-то непонятно, что если, скажем, Джохару Дудаеву не хватало бойцов, то самый лучший, самый надежный способ доставить ему больше бойцов — это начать бомбардировку Грозного. Неужели это такая сложная мысль, что ее никак невозможно понять? Идет массированный артобстрел, ракетно-бомбовые удары, гибнут в первую очередь, естественно, мирные люди. Если у человека под бомбежками погибла мама, дети, то что он пойдет делать после этого: неужели он не пойдет воевать? Все, что

Фото Виктора Ярошенко

делалось за последние два месяца, делалось для того, чтобы у Дудаева было больше солдат, для того, чтобы против наших мальчишек в Грозном воевало больше людей. Да, можно полностью разбомбить Грозный, как его, собственно, и разбомбили. Там не осталось сейчас ни одного целого дома, сотни тысяч людей стали беженцами, вот здесь, рядом, с вами, десятки тысяч погибли.

Надо совсем ничего вообще не знать о том народе, который здесь живет, чтобы не понять, что это самый надежный путь к тому, чтобы получить партизанскую войну

на годы. Ведь опыт истории показал — Россия воевала на Кавказе десятилетия: если дальше продолжать эту политику, можно снова воевать десятилетия. Причем надо понять, в чем специфика партизанской войны. Никто не вывешивает себе табличку: "Я — партизан". Днем они будут вести себя как мирные люди, приходят за гуманитарной помощью, а вечером — брать автоматы и идти убивать. И это может продолжаться и год, и два, и пять. Это абсолютно просто и, по моему, понятно любой разумной женщине, любому разумному мужчине. Не нужно обладать каким-то

особым умом, чтобы понять полную тупиковость этой политики. Продолжая делать то, что власть делает сегодня, она обрекает нашу страну на то, что она будет воевать годами, с каждым днем будут ухудшаться отношения между чеченцами и русскими и что здесь будет литься все больше и больше крови. Неужели это совсем непонятно?

На мой взгляд, на все эти вопросы есть ответы, причем ответы простые, и нитки от этих узелков тянутся на самом деле не из Чечни, они тянутся в Россию. И то, что происходит сегодня в Чечне, это часть той борьбы, которую мы ве-

экономике, к демилитаризованному обществу, к сокращению военных расходов, к военной реформе, к бо-

“Наша общая задача — попытаться объяснить, что эта война никого не обойдет стороной, что, если мы ее не прекратим, она продлится годы и тогда может дойти до крайности”.

льше, вновь к тому, чтобы было больше на нее затрат, вновь больше прав полиции, вновь к тому, чтобы сила власти и власть силы ничем не ограничивались. Вот та главная проблема, которая сегодня решается в России. Вот вокруг чего идет сегодня борьба.

И надо понять, что тем людям, которые хотели бы ремилитаризации нашей страны, хотели бы снова превратить ее в военный лагерь, им война нужна, просто жизненно необходима. Когда я сегодня вижу директора большого оборонного

предприятия, выступающего со

счастливой улыбкой по телевизору

Фото Виктора Ярошенко

дем все вместе за то, какое будущее будет у нашей страны.

Когда развалилась старая система, тоталитарная система, основанная на жестком политическом контроле, Россия оказалась на перепутье, куда идти: идти вперед, к мирному строительству, к мирной

экономике на основе рынка и частного интереса или попытаться прийти назад: вновь в военный лагерь, вновь в общество, которое тратит половину всего, что производит, на военные расходы, вновь к тому, чтобы увеличить службу в Армии, вновь к тому, чтобы Армия была по-

и говорящего: ну вот наконец-то мы обеспечены военным заказом, поскольку выяснилось, как нужны системы залпового огня и т.д., понимаешь, кому это нужно. Когда всего три дня назад в Государственной Думе поднимают вопрос о том, что нужно срочно брать сту-

Егор Гайдар Эта война никого не обойдет стороной

дентов в Армию, не предоставлять им отсрочки, увеличить срок службы с полутора лет до двух лет, а на флоте — до трех лет, — тоже понимаешь, кому все это нужно.

Если страна находится в долгой тлеющей войне, то как можно говорить о сокращении оборонных расходов, о серьезной военной реформе, о сокращении числа частей и соединений. Если разрастается партизанская война, суть которой — терроризм, то какое может быть ограничение прав полиции и защита прав человека, что тогда можно говорить о свободе печати и демократии? Мы же воюем!

Я глубоко убежден, что именно те, кто мечтает в России о реставрации, жаждет жесткого политического контроля, очень хочет, чтобы мы снова полновины всего, что производим, тратили на Армию. Они заинтересованы в том, чтобы эта война продолжалась, может быть, годы, потому что здесь нужна "не победа, а участие", важно продолжение войны.

Если исходить из этого, то все, что делается, становится понятным. Потому что нужен противник, нужно продолжение боевых действий, в эту топку надо постоянно подбрасывать угольки.

Наша позиция, наверное, вам известна. Мы с самого начала очень решительно выступали против этой войны и доказывали, что ее можно и нужно остановить, что это абсолютно необходимо как раз для России, для ее целостности. Нет ничего более опасного для целостности России, чем ракетно-бомбовые удары по российским городам. И вот когда мы все это говорили, нам многократно возражали: ну ведь невозможно ни о чем договориться с Дудаевым, ну разве можно вести какие-то переговоры, ну все равно они будут бесплодными, ну все равно же он не контролирует ситуацию. А несколько дней тому назад,

при помощи и по инициативе властей Ингушетии (которым, я думаю, мы все должны быть благодарны), начались переговоры представителей группировки федеральных войск с представителями Дудаева. И выяснилось, что можно разговаривать. Как только договорились, так сразу практически был прекращен огонь из тяжелого оружия, а потом был прекращен огонь из стрелкового оружия, и использовано было это недельное примирение для

"И надо понять, что тем людям, которые хотели бы ремилитаризации нашей страны, хотели бы снова превратить ее в военный лагерь, им война нужна, просто жизненно необходима".

того, чтобы захоронить часть погибших. И можно было продолжать в том же духе, и можно было захоронить всех, и можно было обменять пленных. Уже была соответствующая договоренность о гуманитарных коридорах. Короче говоря, стало ясно, что можно двигаться по этому пути.

Есть две стратегии на переговорах. Первая — если ты не хочешь договориться, тогда ты с самого начала ставишь самый сложный вопрос, по которому нельзя найти согласия. Если сегодня не договорились, давайте будем дальше воевать. Это — хорошая стратегия, если ты хочешь сорвать переговоры. Если сегодня в центр переговоров поставить вопрос о суверенитете, о том, что Чечня — часть России или не часть России, это надежный способ к тому, чтобы дальше воевать. А если сказать: давайте мы этот вопрос обсудим не сегодня, а послезавтра, а сегодня обсудим вопрос о том, как нам пре-

кратить огонь, наладить снабжение беженцев водой и продовольствием, восстановить снабжение в Грозном, организовать гуманитарные коридоры, захоронить погибших и т.д., то, нарабатывая каждый день потенциал доверия, можно подойти и к решению более сложных вопросов. И было видно, как эти переговоры начинают давать результаты: ребят наших стало гибнуть меньше, меньше стреляли.

Но с другой стороны, успех переговоров оказался очень страшным для тех, кто эту войну затеял. Потому что если можно договариваться, и переговоры приносят результаты, то неизбежен вопрос — а зачем тогда все это затеяли, почему нельзя было, не уничтожая несколько десятков тысяч человек, в декабре вот так же начать договариваться? Именно поэтому прилагаются самые энергичные усилия к тому, чтобы любые переговоры сорвать. Именно поэтому сейчас в Грозном опять льется кровь.

На днях В.С.Черномырдин встретился с делегацией представителей мусульманского духовенства, Советом Улямов Чечни. Договоривались о возможности прекращения огня хотя бы до конца Рамадана, до 5 марта. Три дня никак не могла делегация мусульманского духовенства встретиться с представителями российской группировки. То нелетная погода, то другие задачи, другие дела. Я надеюсь, что все-таки эта встреча состоится. Здесь главное: никогда не оставлять усилий. Самое простое, что можно сделать, — это махнуть рукой и сказать: нет, больше переговоры невозможны. Ну тогда надо понять, что из этого следует.

Поэтому я убежден, что единственно разумная тактика сегодня — это тактика переговоров. Я абсолютно убежден в том, что она может при самом маленьком желании со стороны федеральных властей

привести с течением времени к миру.

Что мы все можем и должны для этого сделать? Еще раз подчеркну: наша позиция известна, мы выступили против этой войны, мы вносили соответствующие законопроекты в Государственную Думу и поправки к Закону "Об обороне", которые запрещают использование напрямую Вооруженных сил в рамках такого конфликта, и поправки к Закону "О бюджете" на первый квартал, которые напрямую запрещают финансирование этой войны, и вносили специальный закон о гласности в Армии, который делал бы обязательным для военных должностных лиц немедленную публикацию данных, по крайней мере, о погибших, раненых и пленных. Пока нам не удалось провести это через Государственную Думу. Поразительно, но оказалось, что очень большая часть наших депутатов, выбранных от многих фракций, не захотела поддержать даже вот такой, казалось бы, бесспорный закон, как закон о гласности, который каждой матери дает возможность знать о том, сын ее жив, ранен или в плену. Мы должны продолжать эти усилия, должны добиться перелома в российском общественном мнении. Наша партия, наша фракция многократно организовывали митинги против войны, мы организовывали сбор подписей против войны, мы довольно активно пытаемся работать по организации гуманитарной помощи. Я знаю о той огромной работе, которую ведет движение солдатских матерей по мобилизации людей против войны. Надо признать, что пока наши совместные усилия были достаточно малоэффективными. Нам не надо друг друга убеждать в том, что война — это плохо, потому что мы в этом и так убеждены. Мы можем и должны убедить наших сограждан в том, что эта война — война грязная, безумная, бессмысленная, жестокая.

Все опросы показывают: большая часть россиян эту войну не поддерживает и не одобряет. Надежда тех,

кто говорит, что вот-вот поднимется сейчас волна национальных чувств, все пойдут крушить кавказцев, показала, что все-таки эти люди слишком плохо думают о нашем народе. Народ все-таки в целом оказался разумным и, в общем, войну не одобряет. Но подавляющая часть наших сограждан паразитически пассивна. Они как будто искренне считают, что все это обойдет их стороной, что эта проблема небольшой части общества, у которых дети служат в Чечне. Но не их.

Наша общая задача — попытаться объяснить, что эта война никого не обойдет стороной, что, если мы ее не прекратим, она продлится годы и тогда может дойти до крайности. У каждого есть дети, у каждого есть внуки, каждый может попасть сюда. И мы сегодня уже платим за эту войну большими экономическими лишениями. Шахтеры из-за нее не получают заработную плату, я мог бы доказать, что из-за нее не получают зарплату бюджетники, из-за нее резко выросли цены в декабре-январе.

Все это надо разъяснить людям, которые обмануты и не понимают, что из чего. Только тогда мы сможем все-таки заставить их всерьез сесть за стол переговоров.

И еще. Вспомните 12 декабря 1993 года, когда многие россияне, разочарованные, недовольные своей жизнью (и справедливо недовольные) проголосовали за партию, возглавляемую, на мой взгляд, опасным авантюристом, партию, которая обещала "последний поход на юг" и реорганизацию России в 50 губерний. Эта партия сегодня самым активным образом поддерживает войну, именно она блокирует все наши законы в Государственной Думе. Проголосовали за "поход на юг" — получили поход на юг. Мы должны не допустить повторения этого, если не хотим, чтобы наши дети погибали бессмысленно.

Я убежден, что в России угроза фашизма есть и она очень реальна. Вы здесь находитесь, поэтому мно-

гое знаете, видели своими глазами. Посмотрите сегодня телевидение, почитайте многие газеты, вы увидите, какая волна лжи сегодня поднимается. Как набирает силу отвратительная, мерзкая, разжигающая национальную рознь пропаганда против чеченцев, против ингушей, против кавказцев и "инородцев" и т.д. А это что такое? Это надежный признак фашизма. Там, где пытаются разжигать национальную рознь и на этом поднимать собственное державное величие, маячит признак фашизма.

Недавно я выступал по радио в программе "Юность". Рассказывал о том, что думаю по поводу войны, а потом отвечал на вопросы радиослушателей. И вот звонит женщина средних лет и милым голосом у меня спрашивает: "Скажите, пожалуйста, а почему нельзя сегодня решить чеченскую проблему так же эффективно и бескровно, как решил ее Иосиф Сталин 50 лет тому назад в 1944 году?"

Это наглядный пример того, как глубоко эта человеконенавистническая пропаганда проникла в общественное сознание. Речь шла о депортации, в рамках которой погибла половина чеченского народа, о депортации, которая была проведена быстро и эффективно, потому что взрослые чеченцы, мужчины, воевали на фронте, выселяли в первую очередь женщины, детей и стариков. И вот сегодня нам говорят: "ну почему бы вот так не решить эту проблему?" Это значит, что, если мы очень сильно не озаботимся тем, что происходит в России — стране, которая победила фашизм, это может стать реальностью.

Короче говоря, самое опасное, что мы можем сделать, — это махнуть рукой и сказать: "Бесполезно, ничего не помогает, давайте займемся другими делами!" Наши противники именно на это и рассчитывают.

Эта братоубийственная война кончится ровно через день после того, как в российских органах власти придут к пониманию того, насколько она опасна.